

РЕЦЕНЗИИ

ЭО. 2010 г., № 5

© **А.О. Захаров**. Рец. на: *Sumatra: Crossroads of Cultures* / Eds. F. Brinkgreve, R. Sulistianingdih. Leiden: KITLV Press, 2009. 203 p., il.

В Национальном музее Индонезии (Джакарта) с 8 июня по 8 сентября 2009 г. проходила выставка “Сокровища Суматры”, а в Этнографическом музее Лейдена (Нидерланды) с 14 октября 2009 по 25 апреля 2010 г. – “Sumatra tercinta – любимый остров”. Их организовали директор Национального музея Индонезии Ретно Сулистьянингди и хранители Этнографического музея Лейдена Питер тер Кёрс и Франсин Бринкгрев. На выставках были представлены предметы из фондов не только музеев-организаторов, но и из местных музеев Суматры. Для ознакомления посетителей с культурой обитателей этого острова и была подготовлена рецензируемая монография.

Книга состоит из 11 глав, библиографии и указателя; помещенные в ней великолепные цветные иллюстрации позволяют воочию узреть красоту древних храмов, произведений искусства и бытовых предметов.

В гл. 1 (авторы – П. тер Кёрс и Д.Дж. Стюарт-Фокс) кратко описывается история и культурная динамика Суматры на основе исторической концепции Л. Андайи (*Andaya* 2008; *Захаров* 2009).

Гл. 2 – “Суматра в доисторические времена: следы артефактов” (авторы – Ни Лух Путу Чандра Деви и Ретно Мардиани) – содержит обзор разнообразных памятников материальной культуры доисторической эпохи.

В гл. 3 В. Дегроот, Н. Чутивонгс и Энданг Сри Хардиати предлагают обзор ранней истории и археологии Суматры VI–XIV вв. и описывают археологические раскопки комплексов Бамайю (он же Танах Абанг), Муара Джамби, Сунгай Лангсат, Муара Такус и Паданг Лавас.

Муара Джамби – крупнейший археологический комплекс Суматры (X–XIV вв.), включающий более 80 памятников. Он расположен в 25 км к северо-востоку от современного г. Джамби на северном берегу р. Батангхари. Здесь найдены здания, каналы и водоемы. Основная часть зданий не расширена; раскопано восемь памятников, из них семь восстановлены. Святилища состоят из главного здания, часто ориентированного на восток, и из одного или нескольких дополнительных строений; обычно они окружены стеной, которую дополняет ров. Многие храмы не имеют внутреннего помещения – вероятно, они были буддийскими ступами или подобными ступе сооружениями. У некоторых есть вестибюль, например, Чанди Келатон (р. 46, fig. 3.3.).

Гл. 4 (авторы – Фифа Вардхани, Харганти Майя Кришна и Н. Чутивонгс) посвящена “Индусско-буддийским скульптурам Суматры I: коллекция Национального музея (Джакарта)”. В VI–VII вв. преобладают изображения Вишну, Будды и Авалокитешвары. Буддийские статуи демонстрируют влияние Индии. В VIII–X вв. господствовало яванское влияние. Дальнейшее развитие получили образы Будды и различные ипостаси бодхисатвы Авалокитешвары (Падмапани, Локанатха, Амогхапаса). Исследовательницы связывают яванское влияние с династией Шайлендров (о ней см.: *Jordaan, Colless* 2009). Продолжалось почитание индуистских божеств Шивы и Ганеши, а также святого Агастьи. В XI–XII вв. на Северной Суматре заметно присутствие тамилы, в искусстве проявляется воздействие художественных стилей Южной Индии. Важным духовным изменением, по мнению авторов, стало проникновение на Суматру тантрического (эзотерического) буддизма, принципами которого выступают тождество Будды и Шивы, образующих единый Абсолют, и единство всего сущего. В XIII–XIV вв. происходит усиление тантризма и возрождается культ Авалокитешвары-Амогхапасы, чему способствовала деятельность Адитьявармана (*Kulke* 2009).

В гл. 5 – “Индусско-буддийская скульптура Суматры II: сокровища Бамайю и провинциальных музеев” (автор Энданг Сри Хардиати) – публикуются сведения о недавних находках древних изваяний.

Антон Олегович Захаров – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН; e-mail: Zakharov_anton@mail.ru

В гл. 6 Тригангга реконструирует историю индийских письменности и систем письма на Суматре, следуя Й.Г. де Каспарису и Бамбангу Буди Утомо (*De Casparis* 1978; *Utomo* 2007; *Kullanda* 1990).

Эковати Сундари (гл. 7) описывает торговую керамику с Суматры в коллекциях Национального музея Джакарты. Здесь публикуются фотографии китайской по происхождению керамики, которая относится к VIII–XVII вв., за исключением сделанного во Вьетнаме фарфорового блюда XV–XVI вв., найденного в Лампунге (р. 105, fig. 7.8).

Гл. 8 “Ислам на Суматре: история и культура” (автор Десрика Ретно Видьястути) содержит характеристику мечетей, надгробий, мусульманских надписей и каллиграфии, монет и литературы острова. Ислам проник на Суматру в конце XIII в., доказательством чего служат надгробный камень Малик-ус-Салиха, султана первой исламской политики о-ва Самудры-Пасея, скончавшегося в 1297 г. (р. 108, fig. 8.1)¹. Найден камень в местечке Кампонг Самудра, Минаса Барингин провинции Аче. Российский историк Т.А. Денисова считает, что проникновение и распространение ислама было мирным и заняло пять с половиной столетий – с VIII до XII в. (2002a: 85–90; 2002b: 536, примеч. 155). Не отрицая этой гипотезы, следует подчеркнуть, что знакомство средневековых обитателей Суматры с исламом, несомненно, имевшее место еще в I тысячелетии, не означает его распространения на острове. Достоверные свидетельства существования местных мусульманских сообществ (а не поселений приезжих торговцев) относятся только ко второй половине XIII в.

Самые ранние сохранившиеся мечети на Суматре относятся к XVIII в. Их особенность – многоярусная крыша, хотя известны и купольные постройки (р. 109, figs. 8.2–3). В монографии опубликованы фотографии надгробия Ки Геде инг Суру, основателя династии султанов Палембанга, и погребального комплекса Сабокингкинг в Палембанге (р. 112–113, figs. 8.5–6).

Гл. 9 “Придворные искусства султанов Суматры” (авторы – Хари Будиарти и Ф. Бринкгрев) содержит описание и фотографии царских регалий, принадлежавших правителям Аче, минангкабау, батаков, Риау-Лингги, Сиака, Джамби и Палембанга. Исследователи подчеркивают влияние индуистской, мусульманской (арабской, персидской и турецкой) и китайской традиций на местные культуры, проявляющееся в лексике, символах, изображениях и архитектуре. Из Индии проникает символ лотоса, из Китая – лягушки; арабская письменность используется для надписей на *крисах* – традиционном оружии в форме кинжала с изогнутым или прямым лезвием. Особую роль играл образ мифической змеи *нага*: ее изображение устанавливалось на носу царской лодки, которая отождествлялась со змеей (р. 129–130, figs. 9.12, 14 – памятники происходят из Северной Суматры и датируются XIX в.). Вход в китайский храм Пуло Кемаро в Палембанге охраняется двумя драконами (р. 130, fig. 9.15).

Из Аче происходят золотые браслеты и кольцо, подвески, булавки для волос, ожерелье, серьги, кинжал в ножнах из слоновой кости и золота – дар султана Дели (Суматра) генерал-губернатору Нидерландской Индии, крис знаменитого героя борьбы с голландцами Теуку Умара; кинжал-*ренчонг* султана Аче (р. 126–127, 134–135, 137, figs. 9.7–11, 9.21–30). Опубликована и фотография царской регалии батаков – криса *Гаджа Домпак*, которым владел знаменитый Сингамангараджа XII, царь-жрец батакского народа, погибший в 1907 г. (р. 132, fig. 9.19). Батаки заимствовали два санскритских слова для обозначения наиболее священных животных – слона *гаджа* и льва *синга*. Угловые балки традиционного батакского дома украшены изображением мифического животного, призванного защищать жилище от злых духов; оно именуется *синга* или *гаджа домпак* (р. 133, figs. 9.21–22). Среди регалий султаната Риау-Лингга (1824–1913) выделяется царский веер *джоган* (или *чоган*), сделанный из золота и серебра (р. 140, fig. 9.33). Одной из регалий была плевательница для бетеля (р. 140, fig. 9.34).

Из султаната Джамби происходят два государственных криса: царский и принадлежащий наследнику *Си Гинджай* и *Синджа Мерджайя* (р. 145, figs. 9.41–42). Султанат Палембанг представлен царским мечом *педанг* и царским веслом *дайюнг* (р. 151, fig. 9.54–55). Весло призвано символизировать важность контроля над водными коммуникациями, от которых зависело благосостояние султаната.

В гл. 10 “Торговля и текстиль Суматры” Ф. Керлогё и Вахью Эрнавати описывают китайское, арабское и индийское влияние на производство тканей и характеризуют текстильные изделия батаков, минангкабау и батик Джамби. К местным материалам, используемым для изготовления текстиля, относятся вид бананового дерева *муса* и вид крапивы *нулас*. Со второй половины I тысячелетия на Суматре производятся хлопок и шелк. Привозные бусины, золотые и серебряные нити использовались для украшения тканей.

Из местных красителей известны индиго, цезальпиния, хлебное дерево разнолистное, растение *менскуду* (*morinda citrifolia*), корни дерева *чампадак* (*artocarpus integrifolia*), которые смешивались с куркумой и квасцами для получения желтого красителя, а также древесина *лембатто*, до сих пор применяемая для изготовления батика в Джамби. С XVI в. имеются достоверные сведения о ввозе на Суматру индийских тканей, использовавшихся местными мастерами.

Китайское влияние заметно в технике вышивки, в частности в применении челночного стежка для вышивки гладью (р. 155–156, figs. 10.1–3). Арабское воздействие видно в ачехских типах головного убора (шапочка *кутия*), брюк и жилетов (р. 157, figs. 10.4–6). Техника вышивки *сонкет* и способ окраски ткани *икат* (см.: *Маретин* 1966: 445), распространенные в Палембанге и у минангкабау, испытали индийское влияние (по мнению авторов, могли быть заимствованы из Индии).

В провинции Лампунг основными изделиями текстильного ремесла являются хлопчатобумажные ткани *тампан* и *палерай*. Первые представляют собой небольшие прямоугольные платки, используемые всеми слоями общества для накрытия подарков, покрытия брачного сидения или в качестве подстилки под ребенка. В орнаменте часто встречается изображение корабля, выполненное в геометрическом стиле. Палерай – узкий длинный обрядовый платок, используемый в первую очередь на встречах вождей и знати; он также нередко украшается узорами в виде кораблей. В Лампунге производятся своеобразные юбки *танис*.

Провинция Джамби знаменита прежде всего своим батиком (р. 161, figs. 10.9–11), но там производится также многослойная вышивка *суламан*, в которой применяются золотые нити и слюда. Отличительная черта текстиля минангкабау – женские головные платки *тангкудуак*, обрабатываемые вокруг головы таким образом, чтобы они имели форму рогов (р. 168, fig. 10.21).

Гл. 11 “Исполнительское искусство Суматры” (автор – Нуси Лизабиллы Эстудиантин) содержит краткий обзор традиционных танцев и музыки острова.

В целом монография способствует систематизации наших знаний об отдельных аспектах культуры народов Суматры и является хорошим введением в богатую историю острова.

Примечание

¹ В рецензируемой монографии с датировкой этого памятника путаница: в гл. 1 его относят к 1326 г. (р. 16). Такое же разночтение в коллективной монографии “Древняя история” из серии “Наследие Индонезии”: Х. Амбари дает дату 1326, а А. Шамбер-Луар – 1297 (*Miksić* 1996: 126, 132). Правление преемника Малик-ус-Салиха султана Мухаммада Малик-уз-Захира на р. 114 рецензируемой монографии датируется 1297–1326, а на р. 119 – 1326–1360 гг.

Литература

- Денисова* 2002а – *Денисова Т.А.* Индонезия // Очерки истории распространения исламской цивилизации. Т. 1: От рождения исламской цивилизации до монгольского завоевания / Редкол. Ю.М. Кобищанов, М.С. Мейер, А.А. Ткаченко, Н.М. Емельянова. М.: РОССПЭН, 2002. С. 85–98.
- Денисова* 2002б – *Денисова Т.А.* Ислам в Нусантаре в XIII – середине XVI в. // Очерки истории распространения исламской цивилизации. Т. 2: Эпоха великих мусульманских империй и Каирского Аббасидского халифата. С. 247–255.
- Захаров* 2009 – *Захаров А.О.* Рец. на: *L.Y. Andaya.* Leaves of the Same Tree: Trade and Ethnicity in the Straits of Melaka. Honolulu: University of Hawai’i Press, 2008 // Этнограф. обозрение. 2010. № 1. С. 177–180.
- Кулланда* 1990 – *Кулланда С.В.* Письменности индийского происхождения в Юго-Восточной Азии // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 180–182.
- Маретин* 1966 – *Маретин Ю.В.* Народы Явы, Мадур и Бали // Народы Юго-Восточной Азии / Под ред. А.А. Губера, Ю.В. Маретина, Д.Д. Тумаркина, Н.Н. Чебоксарова. М.: Наука, 1966. С. 438–493.
- Andaya* 2008 – *Andaya L.Y.* Leaves of the Same Tree: Trade and Ethnicity in the Straits of Melaka. Honolulu: University of Hawai’i Press, 2008.
- De Casparis* 1978 – *De Casparis J.G.* Indonesian Palaeography. Leiden: E.J. Brill, 1978.
- Jordaan, Colless* 2009 – *Jordaan R.E., Colless B.E.* The Mahārājas of the Isles: The Śailendras and

the Problem of Śrīvijaya. Leiden: Department of Languages and Cultures of Southeast Asia and Oceania, University of Leiden, 2009 (Semaian 25).

Kulke 2009 – *Kulke H.* Adityawarman's Highland Kingdom // From Distant Tales: Archaeology and Ethnohistory in the Highlands of Sumatra / Eds. D. Bonatz, J. Miksic, J.D. Neidel, M.L. Tjoa-Bonatz. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2009. P. 229–252.

Miksic 1996 – *Miksic J.N.* Indonesian Heritage: Vol. 1: Ancient History / Ed. J.N. Miksic. Singapore: Editions Didier Millet; Archipelago Press, 1996.

Utomo 2007 – *Utomo B.B.* Prasasti-prasasti Sumatra. Jakarta: Pusat Penelitian dan Pengembangan Arkeologi Nasional, 2007.

ЭО, 2010 г., № 5

© **М.В. Добровольская.** Рец. на: *Аспургиане на юго-востоке Азиатского Боспора (по материалам Цемдолинского некрополя)* / Отв. ред. А.А. Малышев. М.: ИА РАН, 2008. 299 с.

Рецензируемая монография посвящена изучению черноморских некрополей античного времени и представляет результаты работы большого исследовательского коллектива, объединившего представителей археологии, антропологии, археозоологии. Памятник, открытый в предместьях Новороссийска, характеризуется широкими датировками: от I в. до н.э. до V в. н.э., но большая часть погребений приходится на I–II вв. н.э. Следует отметить, что конец I в. до н.э. – II в. н.э. для Боспора – эпоха наивысшего расцвета, время правления династии Асандра, сложных и динамично развивающихся отношений с Римом. Поэтому исследование памятников этого времени представляется особо значимым.

Монография имеет классическую для такого рода археологических публикаций структуру. В гл. 1 приводятся подробные описания погребальных комплексов, снабженные общим планом некрополя, чертежами всех сохранившихся 78 погребений и 10 объектов захоронений коней. Кроме этого, приводятся изображения заупокойного сопровождения, обнаруженного при раскопках погребений. На основании датирующих предметов авторы (Н.П. Довгалюк и А.А. Малышев) определяют возраст каждого захоронения. Этот подробный каталог позволяет работать с книгой как с полноценным источником.

Гл. 2 содержит краткое рассмотрение хронологии создания некрополя, а также анализ параметров погребальных камер, ориентировки и позы погребенных, погребального инвентаря с целью выявления основных культурных влияний. Особо представлены жертвенно-поминальные комплексы и кенотафы. Автор (А.А. Малышев) приходит к выводу о значимом воздействии на культуру населения, оставившего некрополь, меотских и сарматских традиций погребальной практики.

В гл. 3 (автор – А.А. Малышев) читатель знакомится с наборами погребального инвентаря. Это общая сводка всех категорий изделий: керамических, стеклянных и бронзовых сосудов, предметов наступательного и защитного вооружения, конской упряжи, инструментов, элементов одежды и украшений. Эта компактная и информативно насыщенная глава позволяет не только вернуться к проблемам датировок, но и обратиться к одной из центральной тем – взаимодействие местных и внешних культурных влияний. Так, керамические изделия по большей части были выполнены либо местными мастерами, либо в мастерских региональной округи (бассейн Кубани, Восточный Боспор, Синдика). Изделия из стекла имеют обширную географию происхождения и значительная часть их – импорт из стран Восточного Средиземноморья, Египта, сиро-палестинских центров. Напротив, предметы вооружения и конской упряжи указывают на то, что их производство связано с традициями народов Прикубанья, Северного Кавказа и Северного Причерноморья. Интересные категории предметов – подвески и амулеты. Ими становились самые разные “дикинные вещицы” – от фрагмента каменного орудия первобытной эпохи и раковины из Индийского океана до египетского скараба. Бронзовые зеркала, которым также придавалось магическое значение, имеют местное (в широком смысле слова) происхождение – от Прикубанья и Нижнего Подонья до Северного Кавказа.

Мария Всеволодовна Добровольская – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН; e-mail: mk_pa@mail.ru